

Н. С. Кабылкина

аспирант 1 года обучения

кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации

направление подготовки "Языкознание и литературоведение"

Северо-Кавказский Федеральный Университет

Научный руководитель: **Т. Н. Ломтева**

доктор педагогических наук

профессор кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации

Северо-Кавказский Федеральный Университет

г. Ставрополь Российская Федерация

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**Аннотация**

В данной статье излагаются результаты научно-исследовательской работы «Лингвокультурная динамика прагматического эффекта феномена языковой игры (на материале американского анимационного сериала конца XX – начала XXI века)», которая посвящена исследованию лингвокультурной динамики прагматического эффекта феномена языковой игры в американской анимации. В статье рассматривается вопрос о языковой игре, как средстве создания комического эффекта в культурах высокого и низкого контекста. Мы рассмотрели особенности культур высокого и низкого контекста и представили различные коммуникативные и некоммуникативные средства и приемы создания языковой игры, которые характерны для данных культур. Данное разделение проходило по принципу роли контекста в культурах и роли контекста в приеме.

Ключевые слова

Языковая игра, культура юмора, высокий контекст, низкий контекст, коммуникативные средства создания языковой игры, некоммуникативные средства создания языковой игры.

Языковая игра является важной составляющей, неизменным компонентом юмора, а также средством достижения авторской интенции. Многогранность языковой игры, отражение в ней как лингвистических, так и экстралингвистических проблем, выходящих за пределы языковой деятельности, и в настоящий момент поддерживает к ней неугасающий интерес специалистов и исследователей различных областей науки, которые не просто изучают и исследуют языковую игру, как отражение в современном языке различных жизненных реалий (лингвисты, литературоведы, психологи, социологи), но и находят ей практическое применение (шоумены, журналисты, политики). Языковая игра направлена на создание определенного прагматического эффекта.

В современной лингвистике сложилась устойчивая традиция в понимании языковой игры как сознательного эксперимента, имеющего установку на творчество. Языковая игра же в свою очередь является средством воплощения чувства юмора определенного народа в определенный период времени. Особым проявлением культуры общения, которая основывается на гармоничном сочетании морального интуиции, эмоций и интеллекта, есть культура юмора.

В нашем исследовании мы разделяем точку зрения Даля, который определяет юмор как веселую, острую, шутливую складку ума, умеющую подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев; удаль, разгул иронии [2, с. 456].

Чувство юмора есть следствие культурных и нравственных традиций. У различных народов он столь же разнится, как отличаются их обычаи. Юмор – лицо национальной лингвокультуры.

Понятие «лингвокультуры», будучи относительно новым в научном дискурсе, имеет различные толкования, обусловленные исследовательскими задачами. Рассматривая его с точки зрения различных аспектов изучения культуры и языка, мы определили этот термин как совокупность массива информации культуры, получившего объективацию в языке.

В настоящей статье мы рассматриваем языковую игру как средство достижения прагматического эффекта в пространстве лингвокультуры. Дабы ответить на вопрос об использовании тех или иных средств

создания языковой игры для достижения авторской интенции необходимо рассмотреть особенности различных культур.

В 1960-х и 1970-х годах два теоретика – Геерт Хофстеде (1980) и Эдвард Холл (1976) независимо друг от друга разработали систему организации и идентификации культур. Главной целью этого исследования являлось выявление наличия универсальных категорий культуры, охватывающих социальные сообщества и страны [3, с. 4]. В результате исследования было выделено два типа контекста: высокий и низкий.

Под контекстом понимают ряд возбудителей, присутствующих в коммуникационном событии, которые включают: жесты; тон речи; физическое расстояние между собеседниками; время дня; погоду; принятые в обществе нормы; географическое место коммуникации; и другие внешние факторы. Основным различием между ними является то, какое значение придает каждая культура контексту коммуникативного акта по сравнению с его содержанием [2, с. 34].

В культурах высокого контекста первостепенное значение придается возбудителям коммуникативного акта и второстепенное – его содержанию. К коммуникационным нормам культур высокого контекста относятся, среди прочих, следующие: важно не то, что сказано, а то, кто это сказал и каким образом это сказано, а также запрет на разговоры в церкви. В культурах высокого контекста требуется больше времени на принятие решений и выполнение деловых операций, чем в культурах низкого контекста. В них очень распространены ситуации, в которых требуется «читать между строк». [5, с. 55].

В культурах низкого контекста первостепенное значение имеет объективное содержание коммуникативного акта и второстепенное – его контекст. К коммуникационным нормам культур низкого контекста относятся, среди прочих, следующие: только факты, пожалуйста; изложите сущность дела простым языком / изложите реальное состояние дел. По мнению Сингха, «культуры низкого контекста отличаются логикой, линейностью и действенностью; объем информации является эксплицитным и формализованным. Коммуникационный процесс является, как правило, рациональным, вербальным и эксплицитным. Участники процесса ожидают конкретного, а не абстрактного содержания [5, с. 58].

Сравнительная характеристика культур высокого и низкого контекста с указанием стран представлена в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика культур высокого и низкого контекста

Тип контекста	Высокий	Низкий
Характеристика	1. Первостепенное значение придается возбудителям коммуникативного акта и второстепенное – его содержанию важно не то, что сказано, а то, кто это сказал и каким образом это сказано;	1. Первостепенное значение имеет объективное содержание коммуникативного акта и второстепенное – его контекст;
	2. Больше времени на принятие решений и выполнение деловых операций;	2. Делается упор на скорость, точность и эффективность общения;
	3. Большую часть информации получают внутренним (имплицитным), а не эксплицитным способом;	3. Объем информации является эксплицитным и формализованным;
	4. Юридическая система строится на основе свидетельских показаний и социального положения людей; чиновников и государственных органов;	4. Юридическая система строится на основе официальных документов, таких как конституция и другие государственные документы;
	5. Частная жизнь и работа тесно связаны друг с другом.	5. Разделяют частную жизнь от общественной и рассматривают каждый сектор своей жизни отдельно.
Страны	Страны Востока, Азии, Южной и Юго-Западной Европы.	Северная Америка, Голландия, Скандинавские страны, Германия, Великобритания.

Так, какими же средствами создается языковая игра в культурах низкого и высокого контекста? Попробуем ответить на этот вопрос в таблице номер 2.

Таблица 2

Средства создания языковой игры в культурах низкого и высокого контекста

Средства создания языковой игры Контекст культуры	Коммуникативные		Некоммуникативные
	Лексико-семантические	Стилистические	Контекстуально-зависимые
Высокий	Омонимы; смысловое взаимодействие обыгрываемых слов, возникновение добавочных смыслов, фразеологизмы, неологизмы.	Каламбур; аллюзия; перифраз; эвфемизм.	Нарушение масштабов пространства и времени; категория «время»; приблизительность; неопределенность.
Низкий	Паронимы; лексические синонимы.	Ирония; гипербола; оксюморон; зевгма; антитеза.	Категория «возможность – невозможность»; категория «одушевленное – неодушевленное».

В данной таблице представлены различные коммуникативные и некоммуникативные средства и приемы создания языковой игры, которые характерны для культур высокого и низкого контекста. Данное разделение проходило по принципу роли контекста в культурах и роли контекста в приеме. Так, если для распознавания языковой игры, созданной посредством аллюзии, необходимо знание специфической информации и важную роль здесь играет контекст, то мы относим данный коммуникативный прием к культурам высокого контекста.

Итак, для создания эффекта языковой игры в культурах высокого контекста характерно использование следующих приемов: омонимы, паронимы, смысловое взаимодействие обыгрываемых слов, возникновение добавочных смыслов, фразеологизмы, неологизмы (лексико-семантические приемы); каламбур, аллюзия, перифраз, эвфемизм (стилистические приемы); нарушение масштабов пространства и времени, категория «время», приблизительность, неопределенность (контекстуально-зависимые приемы).

Для культур низкого контекста характерны: синонимы (лексико-семантические приемы); ирония, гипербола, оксюморон, зевгма, антитеза (стилистические приемы); категория «возможность – невозможность», категория «одушевленное – неодушевленное» (контекстуально-зависимые приемы).

Список использованной литературы:

1. Мацумото Д. Психология и культура. 1-е издание, 2003 год, 720 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 2005. - 456 с.
3. Hall E.T. (1980). Beyond Culture. Garden City, NY: Doubleday.
4. Hofstede, G. (1976). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
5. Singh, N. and Pereira, A. (2005). The Culturally Customized Web Site. Burlington, MA: Elsevier.

Б.Н.Коваленко

К.ф.н., доцент

Филологический факультет

Санкт-Петербургский государственный университет

Г.Санкт-Петербург, Российская Федерация

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ВИДА РУССКОГО ГЛАГОЛА**Аннотация**

Статья посвящена одному из спорных вопросов теории вида русского глагола – вопросу о видовой паре. Рассматриваются разные точки зрения в современной русистике на образование видовой пары.

Ключевые слова

Имперфективация, перфективация, видовая пара.

Категория глагольного вида в русском языке является одной из наиболее трудных тем в методике преподавания русского языка как иностранного. Трудности, которые испытывают не только студенты, изучающие русский язык, но часто и сами преподаватели, пытающиеся им помочь в понимании и усвоении этой категории, возникают по нескольким причинам.

Во-первых, категория русского глагола отличается асимметричностью видо-временных форм и видовых противопоставлений: при наличии пяти видо-временных форм видовые противопоставления реализуются только в прошедшем и будущем времени¹; исключительное разнообразие морфологических средств для выражения видовых значений: большое число перфективных префиксов, омонимия приставок и суффиксов.

Во-вторых, в современной аспектологии не существует единой точки зрения на интерпретацию категориального значения как СВ, так и НСВ. Категориальным значением НСВ одни лингвисты считают значение длительности (О.П.Рассудова, Е.В.Падучева), процесса (Н.С.Авилова), а другие – общефактическое значение (J.Forsyth); категориальное значение СВ определяют или как значение внутреннего предела (Виноградов, Русская грамматика 1980), или как целостное действие (А.В.Бондарко, Буланин). Однако в большинстве пособий и учебников для иностранных учащихся оно определяется как результативность или законченность действия. Отсутствие единой концепции в определении сущности категории глагольного вида приводит к разного рода расхождениям в описании, как видовых значений глаголов, так и их системных противопоставлений, как в учебных пособиях, так и в словарях, тем самым затрудняя работу преподавателей РКИ.

В аспектологической литературе не существует единообразия также и в терминологии значений НСВ. Так, например, Е.В.Падучева использует термин “общефактическое” значение, тогда как А.В.Бондарко пользуется термином “обобщенно-фактическое” значение. В то же время Падучева использует термин “актуально-длительное” действие, а Рассудова и Бондарко называют это значение “конкретно-процессным”.

Таким образом, практически все проблемы, связанные с интерпретацией категории вида в русском языке, особенностями грамматического оформления и ее статусом, являются дискуссионными. Исследователи-аспектологи до сих пор не пришли к компромиссному решению по целому ряду концептуальных и связанных с ними частных проблем. Это касается таких важнейших вопросов, как сущность категории вида, критерии видовой парности, грамматическая семантика вида, частновидовые значения, устройство категории вида с точки зрения словоизменения / словообразования и пр. Проблема многозначности, спорности интерпретации общих и частных вопросов категории вида в русском языке в научной литературе отмечалась еще в середине прошлого века: Н.С.Авилова [1],[2], А.В.Бондарко [5], Л.В.Буланин [7], В.В.Виноградов [9], Ю.С.Маслов [16], И.П.Мучник [21], А.Н.Тихонов [28] и признается всеми известными исследователями, которые занимались и занимаются самыми разными актуальными вопросами аспектологии в настоящее время: Ю.А.Апресян [3], А.В.Бондарко [6], Т.В.Булыгина [8], М.В.Всеволодова [10], М.Я.Гловинская [11], А.Зализняк [12], С.А.Карпунин [14],[15], Ю.С.Маслов [20],

¹ У глаголов СВ в парадигме нет форм настоящего времени. Ср. *писал – написал* и *буду писать – напишу*.

Общепризнанно, что все значения, которые могут выражаться глаголом НСВ только в настоящем времени являются значениями не вида, а видо-временной формы [12, с.27].